

ЗЛАТА ХИТРОВА

Мой опасный
ХИРУРГ.
КОНТРАКТ НА МОЮ ЖИЗНЬ

Злата Хитрова

**Мой опасный хирург.
Контракт на мою жизнь**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Мой опасный хирург. Контракт на мою жизнь / З. Хитрова —
«Автор», 2026

Чтобы спасти отца от тюрьмы, я подписала контракт с человеком, которого ненавижу. Матвей Громов — холодный наследник медицинской династии. Для него я не студентка, а идеальный материал для опасных экспериментов. Он испытывает моё тело на прочность, требует покорности и грозит уничтожить моё будущее. Но однажды я узнаю его страшную тайну: все исследования нужны, чтобы вернуть к жизни парализованную сестру. А за обвинениями против моего отца стоит семья самого Матвея. Теперь у меня есть доказательства, способные разрушить их империю. Только сердце предательски тянется к моему мучителю. Смогу ли я спасти отца, раскрыть правду и не потерять себя рядом с ним?

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Злата Хитрова

Мой опасный хирург.

Контракт на мою жизнь

Глава 1

Служебный лифт стоял пустой, и я старалась не смотреть на охранника в конце коридора. Утром он развернул меня с таким видом, будто я пришла просить у него денег. «Инцидент с родственником». Не с отцом даже — с родственником. Я прижалась лбом к стеклу: пусть решит, что разревелась и теперь успокаиваюсь. Мне нужно было попасть к ректору раньше, чем он уйдёт. По телефону мама уже второй раз спрашивала, собрала ли я вещи.

Двери лифта пока оставались открыты. Я с детства угадывала расстояния лучше папы: стоило ему сказать «ещё чуть-чуть», как уже знала, что инструмент пройдёт. За это умение и получила стипендию. Сейчас прикидывала куда менее достойную вещь — успею ли войти, прежде чем охранник заметит. Просвет сужался. Я прижала локти к бокам и шагнула.

Двери сомкнулись у меня за спиной. Лифт дрогнул, опускаясь в недра здания, где запах хлорки забивал горло сильнее любой вони нищеты.

Полина ждала у лифта с несколькими ребятами нашего курса. Халат на ней был свежий, без единой складки; я утром успела только пригладить свой ладонью. Обойти их можно было справа, но там стояла она. Я задержалась, давая дверям закрыться за спиной, и решила пока ничего не говорить.

— Алиса Ветрова, — протянула она, будто пробуя слово на вкус. — Ты ещё здесь? А я думала, твой отец уже объяснил следователям, чем отличается скальпель от отвертки. Или он перепутал их в тот вечер, когда пациент умер?

Кто-то за Полиной засмеялся раньше остальных, с готовностью подхватив её шутку. Я посмотрела именно на него. Парень, у которого на прошлом занятии вытаскивала из препарата сломанный кончик иглы. Он сразу уткнулся в телефон. Полина продолжала смотреть на меня — ждала, что начну оправдывать папу перед её свитой. Я сжала кулаки в карманах халата. Про отвёртку запомнила. А объяснять ей, какими инструментами работает мой отец, не собиралась.

Чтобы пройти, пришлось повернуться боком: Полина не уступала дорогу. Я задела её плечом, услышала возмущённый вздох и едва не обернулась. Вот этого она и добивалась. Ещё пять минут ругани здесь — и ректор успеет уехать. Я пошла дальше, считая двери до его кабинета. На третьей счёт сбился; пришлось начать заново.

Портрет за ректорским столом висел слишком низко: человеку на нём словно требовалось заглядывать в документы. Я уставилась в нижний край рамы. Смотреть на ректора хотелось меньше. Он не предложил сесть, а я не стала спрашивать, можно ли.

— Академия не благотворительная организация, Алиса, — его голос был бархатным и твердым, как камень. — Долг твоего отца по предъявленному иску о компенсации морального вреда составляет три миллиона рублей. Отсрочка невозможна. Исключение неизбежно.

Он отодвинулся от стола. Значит, цифры уже сказал, теперь ждёт, что попрошу поблажку. Я не двигалась.

— Однако... есть пути решения. Некоторые студенты проявляют особую... гибкость в вопросах сотрудничества с научными группами. Есть один проект, требующий специфического материала. Возможно, тебе повезло попасть в нужное время в нужную лабораторию.

У меня под языком набралась слюна. На секунду я решила, что сейчас меня вырвет прямо на его ковёр — красивый, наверняка дороже нашего дома. Отец сидел в СИЗО. Мама, закан-

чивая каждый звонок, просила хорошо есть, а сама не могла назвать, что ела на ужин. Три миллиона я не заработаю ни за лето, ни за несколько лет. Ректор ждал ответа и уже тянулся к папке, чтобы закончить разговор. Я сглотнула. Нет, папку он пока не закрое.

— Где мне подписать? — спросила я, глядя на папку у его руки. Ректор усмехнулся, удовлетворенно кивнув кому-то в темном углу кабинета.

До лаборатории пришлось спуститься в подвал. Матвей перебирал инструменты, не поворачиваясь ко мне. На лотке каждый лежал отдельно; он поправил один и вернул на то же место. Я смотрела на его спину и ждала, когда наконец заметит, что привели меня, а не новую пробирку.

— Закрой дверь, — сказал он, не оборачиваясь. — Подпиши.

Первая страница выглядела почти прилично. Фамилия, паспортные данные, график. Я перелистнула дальше, задерживая большим пальцем края листов, чтобы Матвей не мог забрать договор до того, как дочитаю. Согласие на процедуры. Ответственность за побочные эффекты. А внизу — отказ от претензий при инвалидности или смерти. Этот пункт набрали мельче остальных. Я перечитала его дважды: здесь они даже размером букв пытались заставить меня промолчать.

Я держала ручку, а подписать ещё не могла. В договоре было моё полное имя. На следующих страницах — уже «субъект». Очень хотелось заставить его прочесть вслух хотя бы первую.

Я перехватила ручку и швырнула ему в спину. Удар пришёлся в лопатку. Матвей обернулся только после того, как она упала; я успела пожалеть — не о броске, о том, что теперь придётся самой поднимать. Он посмотрел на пол, потом на меня. Я осталась стоять на месте.

— Дерзко, — произнес он. — Но дерзость не заменяет подпись.

Я подняла ручку с пола, вытерла её о рукав своего халата и поставила свою фамилию. Чернила легли жирно, чернея на бумаге, как рана.

— Первый тест, — объявил Матвей, убирая договор в сейф. — Стой на краю стола. Завяжи глаза.

Мне дали повязку. Завязывая её, я специально затянула узел туго: не хочу, чтобы потом сказал, будто подглядывала. На краю стола пришлось поставить ноги рядом. Я слышала, как он взял инструмент, и ждала касания. Скальпель прошёл у горла. Не знаю, сколько оставалось до кожи; угадывать с закрытыми глазами было страшнее, чем смотреть.

Я прижала язык к нёбу, чтобы не сглотнуть под лезвием. Подбородка коснулся холодный край. Если сейчас дёрнусь, он запишет «не выдержала», хотя меня сюда привели ради долга, а не этого фокуса. Я стояла и ждала, когда отнимет металл.

Он отнял скальпель. В темноте стало слышно, как я дышу, и сразу захотелось спросить, достаточно ли ему.

— Хладнокровие на грани шока, — пробормотал он себе под нос. Затем снял с меня повязку. Он задержался взглядом на моих ногах. Я всё ещё стояла у края. Хотелось слезть без разрешения, но подождала, пока уберёт инструмент.

— Условия сделки, — продолжил он, начиная ходить по лаборатории, как тигр в клетке. — Долг будет списан только при условии полного подчинения моему графику тренировок. Они будут разрушать твой сон, твои мышцы, твою нервную систему. Если ты сорвешься, если сдашь любой экзамен ниже среднего балла курса — контракт аннулируется. И твой отец получит срок. Реальный срок.

Я посмотрела на свои руки. Они все ещё дрожали, но теперь от напряжения, а не от ужаса. По этому договору ему принадлежало моё время. Но он уже требовал большего: каждого вдоха, каждой мысли. И я ещё не знала, чем смогу расплатиться, не отдав себя целиком.

— Принято, — сказала я.

У порога я едва не зацепилась носком за пол. Матвей догнал, набросил куртку на плечи. Тяжёлая ткань придавила халат, зато перестало знобить. Я хотела спросить, зачем, но пришлось

бы повернуться к нему вплотную. Сцепила полы куртки у груди. Пусть думает, что мне всё равно, если ему так удобно. Мне сейчас хотелось тепла.

Из подвала можно было пройти прямо к общежитию. Я выбрала этот выход: ещё одного разговора с охраной не выдержу. У подъезда стоял Денис. Думала проскочить мимо, но он держал конверт и смотрел именно на меня, а не поверх головы, как обычно.

Он не поздоровался. Просто протянул мне конверт. Бумага была мятая, дешевая.

— Матвей думает, что ты просто глупая стипендиатка, которая попалась на крючок, — шепнул Денис, его голос был едва слышен над шумом ветра. — Но я видел твои руки на вскрытии. Ты знаешь, где зарыта правда.

На фотографиях был папа в своём старом пальто. Я узнала рукав, где мама когда-то перешила пуговицу. Рядом человек, похожий на ректора. Снимок мутный, лица пришлось поднести к свету подъездной лампы. Дата — за неделю до операции. Я проверила ещё раз. Папа не рассказывал про эту встречу.

Я перебрала снимки: вдруг найдётся лицо резче? Папа рассказывал даже о поездках за запчастями. Эту встречу пропустил. Или я не слушала? Дату сверила на обоих фото. Ректора пока нечем обвинить. Спросить о встрече можно — если узнаю, откуда у Дениса эти снимки.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я, поднимая глаза на бледное лицо Дениса.

Он не ответил. Только повернулся и исчез в тени коридора, оставив меня одну с этой правдой, тяжелее любого долга.

Я прижалась к стене общежития. Куртка Матвея всё ещё согревала, хотя хотелось сбросить её на асфальт. В руках были фотографии отца. Они не объясняли, кто виноват, но теперь у меня был вопрос, от которого ректору придётся уворачиваться.

Я убрала фотографии в конверт и проверила, застёгнут ли карман куртки. Двести шесть костей — папа заставлял меня учить их названия, пока другие девочки зубрили стихи на школьный праздник. Тогда я злилась. Сейчас перебирала названия про себя, чтобы не побежать обратно в кабинет и не потребовать объяснений, которых мне не дадут. Куртку придётся вернуть. Подпись уже не вернёшь. Зато фотографии у меня, и утром я снова приду.

Глава 2

Я принесла Матвею папку с документами отца и специально положила её поверх журнала, который он читал. В коридоре дважды проверила порядок листов: аннулированная лицензия, иск, копия подписи под операцией. Отец говорил, что её не проводил. Я хотела услышать от Матвея хотя бы одно возражение по существу, а не снова про мою слабость. От его мыла пахло сандалом. У себя дома мы резали брусок хозяйственного пополам, чтобы хватало на кухню и в ванную.

Он продолжал читать журнал, передвинув мою папку. Я следила за пальцами: длинные, с короткими ногтями, совершенно спокойные. Ему сейчас не требовалось отвечать ни за одну из моих бумаг.

— Статистическая погрешность, — бросил он, не глядя на меня. Звук был сухим, как треск пересохшей ветки. — Выходите. Пока я не вызвал охрану. Мне не нужны истерики, Алиса. Академия терпит слабых, но не любит тех, кто пытается впарить мне мусор.

Матвей смахнул папку со стола. Я успела схватить только обложку; листы разлетелись у его ботинок. Один лёг текстом вниз, и он поставил на него ногу. Не заметил или сделал нарочно — не знаю. Мама разглаживала эти копии утюгом через полотенце, прежде чем отдать мне. Я смотрела на край бумаги под подошвой и не могла заставить себя наклониться.

Села напротив. Юбка собралась под коленями, я одёрнула её одним движением и положила пустую обложку на стол. Он поднял глаза только после скрипа стула. Хорошо: теперь ему придётся смотреть на меня, а не в свой журнал. Под столом лежали документы, на которых я собиралась строить разговор. Я не могла собрать их, не встав, и не вставала из упрямства. До смешного дорогое упрямство.

— Вы уверены, что хотите быть здесь? — спросил он тихо.

— Я уверена, что хочу, чтобы мой отец не сидел в тюрьме за то, чего не совершал, — ответила я. Мой голос не дрогнул.

Он встал и обошёл стол. Пришлось запрокинуть голову: иначе его лица совсем не было видно. Он наклонился к моему уху. Я не отодвинула стул, хотя захотелось. Пусть хотя бы не думает, что сможет согнать меня отсюда одним шагом.

— Знаешь, что может случиться с той, кто будет лгать ректору? — прошептал он прямо в ухо. Голос был бархатным и опасным, как скальпель перед разрезом. — Тебя вышвырнут. Никто не возьмет на работу врача с пятном позора. Ты никогда больше не сможешь держать инструменты. Ни в операционной, ни дома. Ты станешь никем. Пустым местом.

Я сидела, а колени всё равно задрожали, будто мне предстояло стоять перед ним час. Он перечислял, кем я не стану. Врачом, хирургом, никем. Последнее слово оказалось самым неприятным: в деревне меня до сих пор называли «наша будущая докторша», даже женщины, которым я не нравилась. Я прижала пятки к ножкам стула и посмотрела на его горло. Матвей сглатывал между фразами. Угрожать без передышки не мог даже он.

Я подняла глаза. Пока я слушала, он уже успел меня рассмотреть. Теперь хотелось задержать его тем, что знаю, а не тем, как боюсь.

— Вы хотите проверить гипотезу о нейропластичности при экстремальном стрессе? — спросила я ровным, почти скучающим тоном. — Я идеально подхожу. У меня нет ничего, кроме нервов. И они у меня стальные, Матвей Аркадьевич. Используйте это или потеряйте единственный шанс на чистый эксперимент.

Он замолчал. Я всё ещё держала подбородок поднятым и ждала ответа. Руки лучше не показывать: голос получился увереннее, чем пальцы.

Полина вошла без стука. Я узнала каблуки ещё до её голоса и не повернула головы — ей наверняка хотелось, чтобы смотрели все. Матвей тоже сначала не обернулся. Хорошо бы он хотя бы раз разозлился на незваного гостя сильнее, чем на меня.

— Матвей! — её голос звенел фальшивой радостью. — Опять возишься с этой... провинциальной дрянью? Она пыталась подлизаться к папе через тебя? Избавься от неё, пока она не опозорила весь курс своими жалобами. Если ты не выгонишь её сейчас, я расскажу отцу о твоих «неуместных» интересах к студенткам.

Полина сделала шаг внутрь, протягивая руку, чтобы схватить меня за плечо и буквально вытолкнуть из кресла.

Матвей не повернул головы. Он шагнул к двери и, оттеснив Полину в коридор, закрыл её перед самым носом. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Полина застучала в дверь. Я прислушалась: одно дело, когда она смеётся перед свитой, другое — когда её не пускают. Матвей повернулся ко мне, и я поспешила убрать улыбку. Не хочу платить за это минутное удовольствие следующим его приказом.

— Она мешает, — констатировал он. — Как и ты. Но ты полезнее.

Он вернулся к столу и достал из ящика тонкую папку. Положил передо мной.

— Дополнение к контракту. Личный исследовательский проект.

Я открыла первую страницу. Текст был набран мелким шрифтом, юридически выверенным и чудовищным. Полный доступ к биометрическим данным. Изоляция в лаборатории на период тестирования. Право проводить любые процедуры без предварительного согласия в моменты «кризисного состояния». Запрет на коммуникацию с внешним миром.

— Подпиши, и я займусь долгом твоего отца. Практика и обеспечение — с завтрашнего утра, списание долга — после выполнения всех условий, — сказал Матвей, наблюдая за моей реакцией. — Не подпишешь — завтра будешь собирать мусор в общежитии, а твой отец останется в СИЗО по обвинению в мошенничестве. Выбор прост.

Запрет на связь перечитала дважды. На бумаге это всего несколько слов, а дома мама будет ждать моего звонка. Я поискала срок изоляции. Без точной даты он мог удерживать меня столько, сколько ему удобно.

— Что случится, если я откажусь во время теста? — спросила я, не поднимая глаз.

Матвей помолчал.

— Тогда ты потеряешь всё. И свободу, и семью, и карьеру. Но я буду знать, что ты слабая. А слабые мне не нужны.

Я держала страницу за угол, не давая ей дрожать. Матвей ждал подписи. Где-то за дверью Полина ещё ругалась с кем-то, и мне захотелось открыть ей, вытолкнуть договор в коридор: на, попробуй сама. Но ей никогда не принесут такой договор. Я вспомнила, как отец складывал дипломы в коробку и не мог найти крышку, хотя она лежала рядом. Молча отложила страницу.

Папа разбирал сертификаты так долго, будто надеялся найти среди них разрешение работать дальше. Я тогда помогала складывать. Теперь сидела перед другим документом и не могла попросить его совета.

Я подписала, сильно нажимая: последняя буква почти прорвала лист. Размазала её пальцем. Фамилию можно разобрать, аккуратность Матвею не достанется.

Подняла глаза на Матвея.

— Я не слабая, — произнесла я четко. — Я просто дорогая.

Он забрал лист. Я посмотрела на свою подпись, прежде чем её закрыла следующая страница. Хотелось спросить, сколько времени будет помнить мою фамилию, раз всё остальное удобнее называть объектом.

— Хорошо. Правила игры. Снимай куртку. Телефон сюда.

Снять куртку оказалось хуже, чем подписать. Её тепло я успела принять за передышку, а теперь он отнимал и эту мелочь. Телефон лежал в кармане. Без него я не узнаю, звонила

ли мама, но попросить оставить связь значило подарить Матвею ещё один способ давить. Я решила проверить хотя бы его руки — если уж свои должна отдать под его тесты.

Я молча сняла куртку, аккуратно сложила её на край стула. Достала телефон. Экран был черным зеркалом, отражающим моё бледное лицо. Я протянула аппарат Матвею, но специально ослабила хватку.

Телефон соскользнул с пальцев, падая экраном вниз.

Матвей успел поймать телефон. Я следила не за аппаратом — за пальцами, ещё секунду назад свободно лежавшими у него вдоль тела. Перевернул, проверил экран, вернул. Хотелось сказать: вот видишь, бывает, что и ты должен подстраховать чужую ошибку.

— Сим-карту, — потребовал он.

Я вытащила маленький прямоугольник пластика и положила на стол.

— Связь только через меня, — сказал он, убирая сим-карту в свой карман. — Теперь ты моя собственность. Иди в лабораторию. Начнем сегодня же.

За дверью я задержалась, натягивая куртку. Один рукав вывернулся, пришлось расправлять его, зажав телефон под подбородком. Привычное движение — и привычное желание проверить сообщения. Потом вспомнила про сим-карту в кармане Матвея. Экран был исправен, телефон был мой, а воспользоваться им, как утром, уже нельзя. Я убрала его поглубже. В лаборатории он не должен увидеть, как быстро я потянулась обратно к маме.

У лифта меня ждал Денис Крылов. Ассистент патологоанатома, тихий парень с вечными тенями под глазами и руками, всегда холодными после вскрытий. Он смотрел куда-то сквозь меня, но я видела, как напряглись его челюсти.

Денис отвёл взгляд. Хотелось задержать: что услышал обо мне?

Матвей подошёл за мной к лифту. Денис сразу отвёл глаза, и я поняла: говорить не будет. Следила за его руками. Он достал из кармана сложенный листок и вложил мне в ладонь, когда я шагнула в кабину.

Денис прошёл мимо, будто ничего не сделал. Я сжала бумажку. Матвей остановился у дверей и усмехнулся: видел. Но листок не отобрал. До следующего приказа у меня оставалось хотя бы несколько секунд прочитать.

Двери лифта сомкнулись. Свет мигнул.

Я развернула листок ниже уровня куртки, чтобы Матвей не прочёл через плечо. Денис писал торопливо, но последнюю фразу обвёл почти аккуратно. Я перечитала её, проверяя, правильно ли разобрала слово:

«Он лжет про твои кости. Они не ломаются. Они растут.»

В отражении дверей он стоял за моим плечом. Слишком много места занимал и сам, и отражение. Я убрала записку в карман и посмотрела на табло: скоро можно выйти, отойти хотя бы на шаг.

Лифт поехал вниз, в темноту.

Глава 3

Я чувствовала холод не кожей, а костями.

Матвей снова раскладывал инструменты, и я старалась запомнить порядок. Этот для надреза, этот для шва — всё знакомое. Незнакомым оставалось только то, что сегодня работать собирались на мне. Я остановилась у стола, не снимая халата раньше приказа.

— Снимай всё лишнее, — бросил он, не поднимая глаз. В его голосе не было ни издевки, ни желания. Только сухая констатация факта. — Датчики позиционируются на ключице и межреберных промежутках. Ткань искажает сигнал.

Я ухватила за край халата. На ключице и между рёбрами — значит, футболку придётся снять. Вчера я согласилась на процедуры, но вчера это были строчки. Сейчас передо мной стоял мужчина, которого я ненавидела, и ждал, когда начну раздеваться. Я разжала пальцы на ткани. Пусть хотя бы не получит удовольствия от долгих уговоров.

Халат сняла первой вещью, футболку — второй. Её шов зацепился за ухо, пришлось поправить волосы, и эта маленькая задержка показалась ужасно длинной. В спортивном бюстгальтере можно было бы ходить в зале. Здесь я всё равно чувствовала себя раздетой.

Он поднял скальпель. Я перевела взгляд с лица на лезвие: лучше увидеть его вовремя, чем потом ловить себя на каждом его движении.

— Не дрожи, — прошептал он. Кончик инструмента коснулся моего предплечья. Холод металла обжег кожу. — Ты должна быть спокойной, чтобы я мог измерить базовый уровень стресса. Если ты будешь трястись, данные будут мусором. А мусор мне не нужен.

Он смотрел на кожу, я — на его кисть. Указательный палец лежал на инструменте слишком напряжённо. Что, Громов, боишься, что дёрнусь и испорчу тебе красивую таблицу? Я перестала отводить глаза. Если надрез всё равно будет, я хочу увидеть мгновение перед ним. Тогда хотя бы эту секунду не отдам ему целиком.

— Приготовьтесь, — сказал Матвей.

Он сделал надрез на предплечье. Короткий, поверхностный, но достаточный, чтобы кожа разошлась. Боль ударила тупой волной, отдавая в предплечье. Капля крови скатилась по локтю, оставляя красный след на белой простыне стола.

— Красивый шрам будет, если не дёргаться, — произнес он вслух, фиксируя время на секундомере. — Зрачок не расширился. Пульс ровный. Интересное совпадение для девятнадцатилетней девочки из провинции.

На белой простыне осталось пятно. Я следила, как оно увеличивается, вместо того чтобы смотреть на лезвие. Один, два, три. На третьем счёт начинался заново — дальше мешала боль. Представляла папин банковский счёт, но цифры туда никак не ложились: на простыне была моя кровь, и сколько она стоит, решал человек с секундомером. Я перестала считать. Лучше запомню, сколько времени он даст ране кровить.

Полина впустила за собой нескольких ребят. Они остановились в дверях, но один вытянул шею, чтобы получше видеть. Я смотрела на него и хотела спросить, хорошо ли приготовился к следующей паре, если на эту у него хватило времени.

— О, какая трогательная сцена, — протянула Полина, оглядывая мою обнажённую спину и окровавленную руку. Её глаза скользнули по Матвею, затем снова вернулись ко мне, наполненные ехидством. — Матвей, ты уверен, что не слишком жесток со своей новой игрушкой? Или это часть вашей личной игры?

Они захихикали. Матвей занимался инструментом и не обернулся. Я сильнее прижала локоть к боку, стараясь не дать им увидеть, как щиплет порез.

Я резко отдернула руку, прижимая кровоточащее предплечье к груди. Боль вспыхнула заново, но я не поморщилась. Я посмотрела на Полину сверху вниз, игнорируя стыд, который она так старательно пыталась на меня навязать.

— Это медицинская процедура калибровки биосигналов, а не игра, — сказала я, прикрыв рукой порез. — Если вам интересно наблюдать за работой нервной системы человека в экстремальных условиях, запишитесь в очередь через деканат. Сейчас здесь идет работа.

Полина открыла рот. Я ждала её ответа, уже готовая повторить про очередь. Но Матвей заговорил раньше. Это его комната; пусть хоть дверь закроет сам, если больше ни во что не вмешивается.

— Вы свободны, — сказал он спокойно, даже не повышая тона. — Дверь закройте. Плотно.

Они вышли. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Матвей посмотрел на меня, потом на стол. Я ещё держала руку у груди. Хотелось успеть надеть футболку, прежде чем придумает следующую проверку.

— Ложись на стол, — приказал он. — ЭЭГ подключается теперь.

Я легла так, чтобы не задеть порез. Он закреплял датчики, а я следила, не перетягивает ли провод предплечье. Вопросы начались раньше, чем удалось устроиться удобнее: где росла, кто учил шить, что почувствовала после папиной лицензии.

На вопрос о лицензии я ответила слишком быстро. Матвей повторил его, чуть изменив формулировку. Он ловил именно этот момент: где я перестану говорить как студентка и начну как дочь. Я уставилась в лампу над столом. Папа учил меня сначала представлять поле, потом брать инструмент: что вижу, что трогаю, куда иду дальше. Сейчас инструмента не было. Остался этот порядок, за него я и держалась.

Закрывает глаза, чтобы убрать его лицо. Представила сосуды из атласа, который папа подарил мне на поступление. У него были потёртые уголки и карандашная галочка возле каждой страницы, разобранной вместе. Нашла в памяти страницу с предплечьем. Дошла до галочки. По коже всё ещё щипало, Матвей всё ещё задавал вопросы, но теперь между его голосом и мной помещался целый разворот.

— Ответь мне, Алиса, — голос Матвея стал резче. — Почему ты плачешь внутри?

— Я не плачу, — ответила я, не открывая глаз. Голос звучал глухо, отстраненно. — Я анализирую.

Я приоткрыла глаза: график на мониторе почти не изменился. Я хотела узнать, как он объяснит эту ровную линию, после всех вопросов про папу. Но Матвей уже потянулся к распечатке.

Матвей рванул распечатку из принтера. Бумага шуршала, как сухие листья.

— Ты врешь, — прошипел он, нависая надо мной. — Или принимаешь препараты. Невозможно сохранять такой контроль после такого унижения и физической стимуляции. Это нарушение условий честности контракта. Я могу расторгнуть сделку прямо сейчас. И твой отец останется под следствием.

Я открыла глаза. Пока обвиняет, не режет. Отвечу про руки.

— Моя нервная система натренирована годами работы в морге вместе с отцом, — сказала я тихо. — Мы часто сидели рядом с телями, которые были красивее живых людей. Смерть учит равнодушию к боли. Хотите проверить еще раз? Я готова.

Он посмотрел на монитор, потом на меня. Я прижала раненую руку к простыне, не давая ему увидеть, как сильно хочется сейчас закрыть её чем-нибудь чистым.

Денис заглянул в дверь. Первым делом посмотрел на руку; я почти пожалела, что он пришёл. Если спросит, кто это сделал, отвечать придётся при Матвее.

— Слышал шум, — сказал он, его взгляд упал на испачканное кровью предплечье, потом на моё лицо. — Матвей, ей нужна помощь медсестры. Обработка раны...

— Закрытая зона доступа, Денис, — Матвей физически перегородил проход, его плечи развернулись, заслоняя меня от посторонних глаз. Голос был ледяным. — Уходи.

Денис всё ещё стоял в дверях. Я кивнула ему. Сама не была уверена, что справлюсь, но хотела, чтобы он ушёл без нового спора, в котором решать будут мужчины, а лежать на столе — я.

Денис ушёл. Я всё ещё смотрела на дверь и поэтому не сразу увидела, что Матвей уже берёт инструменты. Сейчас опять потребует работу. Главное — не спрашивать, закончил ли он.

— Закончим, — бросил Матвей, возвращаясь к столу. Он взял иглодержатель и нить. — Сама.

Он протянул мне инструменты.

— Проверяю тремор после шока. Зашей свой порез. Аккуратно.

Иглодержатель показался тяжелее обычного. Я положила раненую руку так, чтобы видеть края пореза, и проверила, как далеко смогу повернуть кисть. Матвей ждал. Ему хотелось тремора; мне — закрыть эту чёртову рану и надеть футболку. На первое движение ушло неприлично долго. Зато следующее уже было моим: поймать иглу, подтянуть нить, не торопиться только потому, что он смотрит.

Первый стежок получился мельче нужного, второй вывела точно. Теперь уже знала, как лежит рука, и перестала спешить за Матвеевым взглядом. Узел затянула осторожно. Когда марля легла поверх шва, захотелось смотреть именно на неё, а не на его оценку: больше не видно открытой кожи.

Он наклонился над швом. Я не дала поворачивать руку — пусть смотрит так. Когда снял перчатки и бросил рядом с марлей, впервые захотелось спросить, можно ли одеться.

— Почему ты согласилась? — спросил он вдруг. Тон изменился. Исчезла насмешка. Осталась только тихая, опасная прямота. — Ты могла просто уйти. Родители бы продали дом, ты бы уехала. Зачем тебе это? Зачем тебе быть моим подопытным кроликом?

Я посмотрела на него. Впервые за весь день я увидела не садиста, а человека, загнанного в угол собственными амбициями и тайнами. Он изучал мой шов с такой жадной внимательностью, будто искал в нём ответ на другой вопрос. Ему нужен был результат — но какой? Меня брала злость: моё тело он знал уже лучше, чем я его цель. И расспрашивать собирался всё ещё он.

— Потому что я хочу остаться здесь, — ответила я. — И потому что я знаю, что ты не закончил.

Матвей усмехнулся. На этот раз искренне.

— Верно. Ты угадала.

Он повернулся к компьютеру, печатая что-то быстро.

— Завтра в шесть утра. Не опоздай. И принеси историю болезни отца. Мне нужно знать, что именно ты унаследовала.

Глава 4

У раковины оставили открытый спирт, и я дышала носом, чтобы не чувствовать привкус во рту. До проверки — несколько минут. Мой лоток стоял справа от микроскопа; я дважды передвинула его, освобождая проход. Смешно было беречь стекло после ночи за столом, но сегодня от этих срезов зависело, придётся ли выслушивать Матвея про средний балл. Я уже почти успокоилась, когда Полина пошла между партами.

Я сидела за третьим столом от окна. Семёныч проверял наш ряд раньше остальных, и хотелось убрать со стола всё, к чему может придраться. Пальцы дрожали; я спрятала их под стол, пока не понадобятся. До этой проверки уже вложила слишком много ночи.

Полина пошла между партами, будто ей оставили весь проход. Каблук стукнул у моего стула; я придвинула колено, пропуская. Зря. Локоть пришёлся как раз над лотком, и я поняла, что она целилась именно в стекло.

Хруст.

Микроскоп качнулся, задел лоток, и подготовленные препараты — те самые срезы эпителия, которые я готовила всю ночь, жертвуя сном ради контракта с Громовым, — полетели в раковину, полную этилового спирта.

Стекло ещё звенело. Лотка не видно.

— Ой, прости, Алиса! — голос Полины звенел фальшивой заботой, которая разлетелась по аудитории. Однокурсники замерли. Кто-то хихикнул. Кто-то отвел взгляд.

Семёныч поднял голову от журнала. Я знала, что он начнёт с нашего ряда, и посмотрела на часы: три минуты, если соседний стол задержит его вопросом. Полина всё ещё говорила «прости». Я слышала каждое её слово, но в раковине лежал мой срез, а запасная кассета была на столе. Сначала достать то, что уцелело. С нею разберусь потом.

Полина продолжала извиняться. Я смотрела в раковину, пытаюсь различить уцелевшее стекло. Отвечу ей потом.

Стекло резало кожу мгновенно, без предупреждения. Боль была острой, белой вспышкой, но я стиснула зубы так, что свело челюсти. Вытаскивая осколки, я чувствовала, как спирт разъедает свежие порезы, превращая боль в жгучее пламя. Кровь смешивалась с прозрачной жидкостью, растекаясь по белому фарфору раковины розовыми разводами.

«Не смотри на них», — приказала себе я. «Смотри только на срез».

Я достала новое предметное стекло из коробки, которую держала под рукой именно на этот случай. Руки были скользкими от крови и спирта, но я не дрогнула. Из запасной кассеты извлекла уцелевший срез. Пинцетом расправила его на стекле. Капля бальзама. Покровное стекло. Пресс.

Семеныч подошел к моему столу ровно через две минуты и десять секунд. Он смотрел на мои красные, изуродованные пальцы, потом на идеально ровный препарат.

— Что произошло? — спросил он тихо, но аудитория услышала. Шепот стих.

— Препарат был слишком плотным для стандартной толщины, Иван Семёнович, — сказала я, оставляя стекло перед ним. — Пришлось делать заново. Ошибка мастера недопустима.

Стоило произнести «ошибка мастера», как стало противно от собственного голоса. Какая ошибка? Я всю ночь берегла эти стёкла от пыли, а сейчас сама освобождала Полину от объяснений. Но Семёныч смотрел на препарат, не на неё. Если срез годится, проверку я пройду. На жалобу потрачу время и останусь с разбитым стеклом. Я ещё крепче прижала пальцы к столу, чтобы он не увидел, как они дрожат.

Семеныч долго смотрел на меня своими выцветшими глазами. Потом кивнул.

— Принято. Работайте дальше.

Полина улыбалась из соседнего ряда. Я подняла испачканные пальцы над столом и продолжила: пусть видит, чем именно сегодня не сумела остановить меня.

У кулера девочки расступились, чтобы я вошла. Назад придётся протискиваться. Лиза, подруга Полины, положила руку на плечо; я посмотрела, куда спрятала вторую.

— Тебе плохо? Ты вся белая, — проворковала она, глядя на мои окровавленные повязки (я успела намотать марлю прямо в аудитории).

— Мне нормально, — ответила я, пытаюсь проскользнуть между ними.

Но нога наткнулась на лужу воды, которую кто-то незаметно разлил на полу. Подошва поехала по скользкому кафелю. Мир качнулся.

Я успела упереться ладонью в стену. По старым порезам ударило так, что пришлось прикусить щёку. Зато стояла. Больше ничего им пока не досталось.

Лиза убрала руку с моего плеча. Вот и вся поддержка. Я всё ещё упиралась ладонью в стену, боясь оторвать её: мокрая подошва продолжала скользить. Полина ждала, чуть приподняв подбородок. Сначала я поставила вторую ногу на сухую плитку. Потом перенесла вес на неё. Не дам им обсуждать, как смешно упала Ветрова. Пусть лучше запомнят, что я скажу сейчас.

Я медленно выпрямилась. Посмотрела на свои руки — один ноготь содрало, кровь капала на белый халат. Потом подняла глаза на Полину, которая стояла чуть в стороне, скрестив руки на груди и наблюдая за мной с интересом энтомолога, изучающего жука в банке.

Я сделала шаг вперед. Прямо в лужу. Мокрые ботинки чавкнули.

— Следующий раз подсыпь сахару, — сказала я спокойно, проходя мимо нее так близко, что наши плечи почти коснулись. — Вода — это слишком примитивно для королевы курса.

Полина не улыбнулась. Я шла дальше, не оборачиваясь, и пожалела только об одном: не успею посмотреть, как она перескажет эту реплику подругам.

При уборке пришлось держать салфетку двумя пальцами. Размазала кровь по столу вместо того, чтобы стереть, и взяла новую. Матвей появился за спиной; я узнала его раньше, чем повернулась. Сейчас расскажет, насколько испортила ему завтрашнюю работу.

Он не произнес ни слова сразу. Просто наблюдал, как я запикиваю использованные материалы в контейнер.

— Химический ожог первой степени, — его голос был низким, бархатным и абсолютно равнодушным. — Плюс микротравмы сухожилий указательных пальцев. Ты будешь работать с этим завтра.

Матвей держал руки в карманах. Я посмотрела на манжеты: чистые. Мои он уже оценил, ему достаточно было подойти и назвать повреждения.

— Это цена моего контракта, Громов, — процедила я сквозь зубы. — Не путай мою личную жизнь со своим экспериментом.

— Твоя личная жизнь — часть эксперимента, Алиса, — ответил он, наклоняясь ближе. Его лицо стало серьезнее, черты заострились. — Боль очищает разум. Ты сегодня была... эффективна. Но твои руки будут мешать тебе держать скальпель.

— Тогда найди мне другого кролика, — выплюнула я. — Одного, который не боится тебя. Он усмехнулся. Криво, жестко.

— Таких нет. Все боятся. Разница лишь в том, кто умеет прятать страх.

Матвей ушёл. На столе осталось пятно от моей руки. Я подвинула стул, чтобы разглядеть пальцы. Работу на завтра он назначил. Стекло из кожи опять придётся вынимать самой.

Денис остановил меня у выхода. Я собралась сказать, что спешу, но он уже достал маленькую коробочку. Пришлось освободить руку от сумки.

— Возьми, — сказал он коротко.

Я взяла. Внутри лежал стерильный перевязочный пакет и записка с адресом аптеки в центре города. Там выдавали средство для обработки кожи по студенческому билету академии.

— За что ты платишь мне добротой? — спросила я, глядя ему в глаза. Денис избегал контакта, его взгляд блуждал по стенам, по полу, куда угодно, только не на меня.

— Не доверяй тем, кто улыбается громче всех, — ответил он, наконец посмотрев на мои окровавленные руки. В его взгляде читалась такая глубокая, скрытая боль, что у меня перехватило горло. — И береги себя. Тебе еще жить.

Он исчез за углом коридора раньше, чем я успела задать следующий вопрос.

Вечер в общежитии встретил меня тишиной. Я открыла дверь своей комнаты и застыла.

Мой шкаф был вскрыт. Учебники по хирургии лежали на полу, залитые синими чернилами. Страницы слиплись в грязные комья. Ручки, карандаши, тетради — всё было разбросано по комнате хаотичным веером. А на зеркале над раковиной, жирной помадой цвета крови, было написано:

«КОРОЛЕВА ЗМЕЙ КУСАЕТ ТЕХ, КТО ЛЕЗЕТ В ТРАВУ».

Я подняла учебник за уцелевший угол. Слипшиеся страницы не разошлись, и синий потёк добрался до моей пометки на полях. В одном месте папа исправил мне название мышцы; его почерк теперь пропал под чернилами. Я положила книгу обратно слишком осторожно, будто ещё могла её спасти. Крикнуть хотелось именно из-за этой строчки. Но если выйду искать Полину сейчас, конспекты сами себя не восстановят.

Папе об этом не напишу. Он и так ждёт новостей, которых у меня нет. Ректору жаловаться бессмысленно: завтра Полина принесёт ему мою жалобу и посмеётся над каждой строчкой. Я посмотрела на уцелевшую тетрадь. Начать нужно с неё.

Я закрыла дверь на замок. Села на пол среди луж чернил. И начала переписывать конспекты.

От руки. До утра.

Сначала переписывала всё подряд. Потом рука заболела настолько, что пришлось выбрать самое нужное: схемы, подписи, вопросы, на которых меня ловили на занятиях. Синие пальцы оставляли отпечатки рядом с каждой строкой. Стало даже удобно — видно, что уже проверила. К рассвету я не могла распрямить спину, зато тетрадь можно было открыть на любом из завтрашних вопросов. Положила голову на стол. На минуту, обещала себе. Только на одну.

Глава 5

Разбудил меня стук в дверь. Я кое-как поднялась, повернула ключ и попятилась, пропуская Матвея.

Матвей посмотрел на учебники, потом на мои синие пальцы. Я ждала вопроса, но он не задал. Значит, снова придётся собираться раньше, чем успею ему что-нибудь сказать.

— Собирайся, — сказал он.

Я протёрла лицо ладонью. Голова гудела.

— Куда? — хрипло спросила я.

— Тест продолжается, — он повернулся к выходу. — Одевайся. Мы идем в морг.

Сердце пропустило удар. Морг? В шесть утра?

— Зачем?

— Потому что твой стресс исказил реакции, — ответил он, не оборачиваясь. — Ты вчера боролась с людьми. Теперь нужно научиться не бояться мертвых. Проверка хладнокровия.

Я надела куртку поверх пижамы, схватила сумку. Ноги еле держали меня, но я шла за ним. Мы спустились в подвал академии, где воздух становился тяжелее, холоднее и пах формалином и чем-то еще — сладковатым, гнилостным запахом распада.

Дверь морга скрипнула, пропуская нас внутрь. Свет здесь был приглушенным, зеленоватым. В центре помещения, на металлическом столе, лежал накрытый простыней объект.

Матвей снял перчатки. Медленно, аккуратно, бросив их в урну. Он подошел ко мне вплотную. Я отступила, но упиралась спиной в холодную плитку стены.

— Посмотри на меня, Алиса, — потребовал он.

Он наклонился так близко, что я увидела крошечную царапину возле брови. На своих тестах такой он бы не пропустил. Я задержалась взглядом на ней: хоть что-нибудь в нём сегодня не было безупречным.

— Если ты сейчас заплачешь, — прошептал он, и его дыхание обожгло мою щеку, — я увеличу нагрузку вдвое.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Кончики его пальцев были ледяными. Там, где осталась полоска чернил от Полины, его палец задержался.

— Если нет, — добавил он, и в его голосе впервые послышалась не сталь, а что-то другое. Тяжелое, темное. — Я расскажу тебе, почему моя сестра никогда не встанет.

Свет в морге мигнул, бросив тени на его лицо. Я поняла, что плакать нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Даже если внутри всё рушится.

Я села на перевёрнутое ведро — единственное место в подвале, где не пришлось стоять. Марля всё время разворачивалась, а я не могла перехватить её большими пальцами. Завтра комиссия. Я уже представляла, как Матвей смотрит на мои руки, прежде чем скажет про бесполезный объект. Попыталась затянуть бинт зубами, не рассчитала усилие и едва не выругалась вслух. Вот вам и будущий хирург: собственного узла завязать не может.

— Дай сюда.

Я узнала Дениса по голосу, подняла глаза и отдала марлю. Не пришлось объяснять, где порез: он уже видел руку. Хотелось только попросить не затягивать сильно, но боялась показаться капризной после всего, что вытерпела у Матвея.

Денис развернул новый бинт. Прежде чем коснуться раны, подождал, пока я перестану отдёргивать ладонь. Я рассматривала его короткие ногти и белые края манжет — хотелось заметить хоть что-нибудь, кроме своих порезов. Он положил бинт на ладонь, расправил край. Я дала ему поддержать руку и впервые за вечер перестала держать её на весу.

— Не двигайся, — приказал он, обматывая мою ладонь. Узел вышел идеальным. Хирургическим. Тугим, но не пережимающим кровообращение. — Спасибо, — прошептала я, чув-

ствуя, как ком в горле начинает разжиматься. Впервые за сутки я перестала бояться, что упаду в обморок прямо здесь, на грязном полу. Доверие было дорогим товаром, но Денис только что подарил мне его бесплатно.

Денис задержался на моём предплечье. Я видела следы инъекций каждый раз, когда мыла руки, и потому успела забыть, как они выглядят для другого. Он смотрел именно туда. Сейчас спросит, что вводили. Я не хотела отвечать, пока сама не узнаю.

Я потянула рукав вниз. Если не спрашивает, я тоже не стану начинать. — Не лезь туда, куда нельзя, Денис, — попросила я, придерживая рукав. — Это часть сделки. Если ты начнешь задавать вопросы, ты подвергнешь опасности нас обоих. Просто... перевяжи рану и иди.

Я сказала ему уходить и тут же пожалела. На ладони лежала его свежая повязка; снять её значило бы поступить честнее, чем принимать помощь и запрещать вопросы. Но снимать я не стала. Наоборот, придержала край здоровым пальцем. Пусть считает меня неблагодарной. Про инъекции я сама знала слишком мало, чтобы отвечать Денису и не испугаться окончательно.

Первокурсник заглянул в подвал. Руку от Дениса я убрать не успела. Он смотрел на повязку, потом на нас, и я уже представляла, в каких словах понесёт это к Полине.

Денис выпрямился. Теперь первокурснику пришлось поднять голову, чтобы смотреть на него, а не на мою руку. Я почти улыбнулась: объяснять будет ассистент, слушать — любопытный студент. — Обработка раны после практического занятия по травматологии. Студентка Ветрова получила порез стекловолокном при уборке лаборатории. Все в рамках протокола. У вас есть вопросы к ассистенту патологоанатома или к процессу обработки?

Первокурсник уставился на повязку, пробормотал извинение и ушёл. Я проводила его глазами: лишь бы не побежал за Полиной. Денис ничего не объяснял мне про свою ложь. Стоял рядом и ждал, пока я перестану вслушиваться в шаги за дверью. Это оказалось важнее, чем бинт. У Матвея каждое моё движение шло в таблицу; здесь можно было хотя бы не отвечать сразу.

Но облегчение длилось недолго.

Матвей вышел из коридора у лестницы. Сначала посмотрел на свежую повязку, потом на Дениса. Я придержала край бинта большим пальцем. Не сниму только потому, что ему не нравится, кто помог.

Я выпрямилась, пытаюсь скрыть остаточную дрожь. — Матвей Аркадьевич, — начала я, и голос прозвучал чужим. — Денис помогал мне с учебным материалом. По подготовке к завтрашнему экзамену.

Матвей смотрел на повязку, а я всё пыталась спрятать руку так, чтобы это не выглядело попыткой спрятать руку. Денис уже затянул узел. Никакого нарушения в этом не было — только я сидела перед Грозовым как пойманная. Я разозлилась на себя и положила ладонь поверх колена. Пусть видит, если пришёл смотреть.

— Идем, — сказал он одно слово. Не вопрос. Приказ.

Я не сразу поднялась. Денис кивнул, но меня почему-то взбесил и этот кивок: один приказывает идти, другой разрешает. Спасибо, взрослые люди разобрались. Я встала сама, стараясь не опереться больной ладонью о ведро. Повязка останется. А за Матвеем пойду потому, что завтра комиссия, не потому, что кто-то из них лучше знает, куда мне сейчас надо.

Пошла за Матвеем. Он не обернулся проверить, и от этого захотелось замедлиться назло. Но комиссия завтра, не через месяц; об этом я и напонила себе.

На середине коридора Матвей резко остановился. Я чуть не врезалась в его спину. Он повернулся и схватил мою травмированную руку. Его пальцы сомкнулись вокруг запястья, сдавливая ткани поверх повязки. Боль вспыхнула острой иглой, пронзившей нерв.

— Проверка чувствительности, — холодно констатировал он, глядя мне в глаза. — Если нерв поврежден необратимо, объект бесполезен. Сожми кулак.

Я стиснула зубы, отказываясь кричать. Пальцы послушались, хоть и с трудом. Матвей удовлетворенно хмыкнул и отпустил руку. Он склонился ближе, так что я почувствовала запах его дорогого парфюма, смешанный с ароматом антисептика. — Твое терпение скучно, Алиса, — прошептал он, и в его голосе была странная, извращенная интимность. — Но полезно. Ты не сломалась. Пока.

На запястье осталось место, где Матвей сжимал. Я проверила повязку: узел Дениса не разошёлся. Это успокоило сильнее, чем всё, что он только что сказал про мою полезность.

На столе лежал пакет с обезболивающими. Я ещё в дверях узнала марку: в аптеке однажды перевернула такую коробку, посмотрела цену и поставила обратно. Записка была без подписи. Почерк похож на Матвеев — острые углы, сильный нажим. Я села на кровать, не раздеваясь. Теперь придётся решать, брать ли. На руке всё ещё была повязка Дениса; таблетки внезапно показались продолжением их разговора в подвале.

Пакет сначала поставила на кровать, потом всё-таки раскрыла. Между коробками с лекарствами лежал блокнот. Слишком маленький, чтобы быть очередным договором. Я взяла его, придерживая обложку больной рукой.

На первой странице Денис нарисовал нейромышечные связи. Одну стрелку пришлось рассматривать дольше остальных: он провёл её иначе, чем в моих конспектах. Внизу карандашом написал: «Не считай мои кости. Считай свои шансы».

Я перечитала надпись. Кто положил блокнот Дениса в пакет с лекарствами? Лекарства я приписала Матвею по записке, блокнот был Дениса. Но ни один не спросил, что нужно мне. Перед завтрашней комиссией мне нужны были руки, которыми можно работать, и хотя бы час сна. Я положила блокнот раскрытым рядом с кроватью: сначала проверю его схемы.

Запах антисептика и чужого страха заполнял комнату, когда дверь внезапно открылась без стука.

Полина держала телефон экраном ко мне. На снимке я сидела перед Денисом, а бинт почти не был виден: кадр обрезали ровно там, где кончалась помощь и начиналась её будущая история. Я посмотрела на повязку у себя на руке. Хорошо бы она попала в этот кадр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.